

КОМНАТА 404

A movie poster for the film 'Комната 404' (Room 404). The central image is a close-up of a woman with long dark hair and light-colored eyes, looking directly at the camera with a somber expression. She is positioned behind vertical metal bars, which are slightly out of focus. The background is a dimly lit prison corridor. To the left, a warm-toned wall sconce is visible. In the distance, a heavy metal door is slightly ajar, with a bright light streaming through the gap, creating a strong contrast and illuminating the floor. The overall color palette is dark and moody, with a mix of cool blues and greys and a single warm light source.

Velimir Ashen

Velimir Ashen

Комната 404. Дом не прощает сожалений

<https://litres.ru/73753499>

SelfPub; 2026

Аннотация

В объявлении о сдаче квартиры на Садовой-Каретной была одна странная строчка: комната в конце коридора не входит в договор аренды. Просьба не заходить.

Алина заходит на второй день.

Три минуты по часам, но это единственное, что поддаётся измерению. Фотография незнакомой девочки на пустом подоконнике. Фигура у окна, которую видит только объектив телефона. Сосед, варящий кофе каждое утро в одно и то же время в квартире, где никто не живёт уже два года. Старуха с пятого этажа, оставившая там мужа в шестьдесят первом и с тех пор не открывающая дверь.

В архиве хранится план четвёртого этажа. По плану за той дверью стена.

Комната не предсказывает и не угрожает. Она воспроизводит то, что и без неё никуда не делось: потерю, которую Алина не смогла назвать вслух, и человека, которым не хочет становиться.

Дом просто убирает расстояние между тем, что знаешь о себе, и тем, как живёшь.

Выйти можно. Самолёт возвращается. Такси знает адрес.

Дом ждал её дольше, чем она здесь живёт.

Содержание

КОМНАТА 404	5
Дом не прощает сожалений	5
ПРОЛОГ	6
Глава 1. Въезд	7
Глава 2. Первое открытие	9
Глава 3. Надежда Петровна	12
Глава 4. Второй визит	16
Глава 5. Дима	19
Глава 6. Якоря	23
Глава 7. Архив	26
Глава 8. Голос	31
Глава 9. Рита приезжает	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Velimir Ashen
**Комната 404. Дом не
прощает сожалений**

КОМНАТА 404

Дом не прощает сожалений

ПРОЛОГ

СДАЁТСЯ ДОЛГОСРОЧНО 3-комнатная квартира, 78 м²
ул. Садовая-Каретная, исторический фонд, 1936 г.п.

Этаж: 4/6. Потолки 3,2 м. Паркет, лепнина, два эркера.
Окна во двор, тихо в любое время суток. Парадная с консьержем.

Состояние хорошее. Мебель частично. Холодильник, стиральная машина, интернет. Горячая вода центральная, без перебоев. Лифт работает.

До метро Чеховская 8 минут пешком. Садовое кольцо рядом, но шума нет.

Соседи спокойные. Дом проверенный.

Без посредников. Без животных. Без вечеринок.

Залог за один месяц. Коммунальные сверху. Оплата наличными или переводом.

Показ по договорённости. Писать в личные сообщения.

*Комната в конце коридора не входит в договор аренды.
Просьба не заходить.*

Глава 1. Въезд

Таксист не помог с чемоданами.

Алина и не ждала, отметила и всё. Первый чемодан втащила сама, второй поставила на пола и докатила до парадной на одном колесе, придерживав плечом дверь. Консьержка за стеклом подняла глаза, опустила. Ничего не сказала.

Лифт был старый с решётчатой дверью, которую надо закрывать руками. Алина закрыла, поехала.

Четвёртый этаж. Квартира направо по коридору. Ключ повернулся легко.

Она вошла и нашла выключатель, включила свет.

Потолки три с лишним метра. Паркет потрескивал под ногами. Лепнина по периметру: листья, какие-то плоды и лица.

Она прошла по квартире с телефоном, составляя список, что есть, чего нет, что сломано, о чём говорить с хозяином. Кухня, ванная, две комнаты. В одной диван без ножки, в другой пусто совсем, только пятно света от фонаря на стене. Алина постояла в дверях пустой комнаты. Эркер с видом во двор, внизу колодец, сверху полоска неба уже тёмная. Мебель частично, стол, за которым можно работать, если не смотреть на царапины.

Нормально. Она жила и в худших условиях.

В коридоре остановилась.

В конце была дверь без ручки. Дерево, петли, замочная

скважина без замка. Алина сфотографировала. Написала в заметках: *странная дверь, уточнить у хозяина*. Подумала и добавила: *или не уточнять*.

Она поставила первый чемодан у стены и не стала открывать.

На ужин был бутерброд, ела стоя, глядя в окно на двор. Где-то выше кто-то варил кофе, запах шёл сквозь вентиляцию тонкой ниткой. Алина подумала: надо купить кофемолку. Подумала: хорошо, что здесь нет ничего, что нужно было бы разбирать.

Она легла в одиннадцать. Матрас был чужим, это чувствуется сразу не плохо, но не её.

В час ночи она проснулась.

Трубы. Дерево. Медленные шаги этажом выше.

Звук шёл из конца коридора.

Не стук и не скрип, что-то тише, словно кто-то с той стороны двери стоял и ждал, пока она это поймёт.

Алина не встала.

Смотрела в потолок, лепнина в темноте теряла листья и плоды, оставляя только лица, и считала секунды, пока звук не прекратился.

Заснула под утро.

Приснилась кровать.

Глава 2. Первое открытие

Утром дверь была приоткрыта не нараспашку, а на ладонь, не больше. Алина стояла в коридоре с кружкой растворимого кофе и смотрела на эту щель. Кофе остыл.

Ночью она не вставала. Это она знала точно.

Она поставила кружку на пол и подошла. Дверь подалась от лёгкого толчка внутрь без скрипа, петли похоже смазаны недавно. Со стороны коридора ручки не было. Изнутри была. Вошла.

Комната была пустой, паркет тот же, лепнина та же. Одно окно во двор. Радиатор под ним старый, чугунный, с облупившейся краской. На подоконнике лежала фотография.

Запах озона, она почувствовала, уже стоя у окна, как перед грозой, или как после выдернутой из розетки вилки. Сухой, металлический.

Фотография была чёрно-белой, на плотной бумаге с зазубренными краями из советского фотоателье. Такие Алина видела у матери в альбоме. Девочка лет шести, в платье с воротником. Сидит прямо, смотрит в объектив без улыбки.

Алина не узнала её.

Перевернула ни даты, ни имени, ни штампа. Только светлое пятно в правом углу, где бумага когда-то намокла.

Она огляделась. Ни пыли на паркете, ни следов на подоконнике кроме фотографии. Окно закрыто, форточка тоже.

Откуда.

Взяла фотографию, вышла. Дверь встала на место с тихим щелчком. Алина посмотрела на телефон.

07:43.

Она вошла в 07:40.

Три минуты. Она была уверена, что дольше.

Фотографию она положила на стол у окна и не трогала до полудня.

Взяла при дневном свете, он бил в эркер прямо без теней.

Девочка смотрела в объектив. Тёмные волосы, прямая чёлка, лёгкая асимметрия правой брови.

Алина знала эту асимметрию.

Поднесла фотографию ближе, отодвинула. Нашла в телефоне снимок с последнего дня рождения тридцать первое марта, восемь месяцев до Лёши, ещё до всего. Поднесла к фото.

Правая бровь. Родинка под левым ухом на старом снимке почти точка.

Одно лицо.

Собственных детских фотографий у неё было мало, мать не любила фотоаппараты, говорила, что лишнее. Несколько снимков лет с десяти. Одна в школьной форме.

Возраста шести, семи не было ни одной.

За окном двор жил своим: кто-то выгуливал собаку, хлоп-

нула дверь парадной, голуби на карнизе напротив переставляли лапки.

Алина смотрела на фотографию.

Карточка существовала до неё. Лежала на подоконнике в запертой комнате без ручки снаружи, без следов на паркете и ждала.

Дом ждал её дольше, чем она здесь жила.

Глава 3. Надежда Петровна

На пятый этаж Алина поднялась пешком, лифт между четвёртым и пятым остановился, постоял и поехал обратно вниз. Она не стала ждать второй раз.

Квартира 52. Звонок не работал, это она поняла по тишине после нажатия, постучала.

Долго ни кто не подходил, потом шаги с паузой на каждом, как будто нога каждый раз заново убеждала себя двигаться.

Дверь открылась на цепочку.

Женщина смотрела на Алину снизу вверх, хотя разница в росте была небольшой, она держалась так, будто давно привыкла смотреть из-под чего-то. Лет семидесяти пяти, не меньше. Волосы белые, убраны назад, халат застёгнут до верха.

– Я с четвёртого, – сказала Алина. – Въехала два дня назад. Четыреста четвёртая.

Женщина молчала секунду.

– Знаю, – сказала она и сняла цепочку.

В квартире пахло старым деревом и сушёными травами. Алина вошла за ней в кухню, где на газовой конфорке уже стоял чайник.

– Садитесь.

Алина села. Кухня была маленькой, чистой. На подоконнике три горшка с геранью: одна засохла, две живые. На стене над столом фотография мужчины в военной форме и календарь за две тысячи одиннадцатый год.

Надежда Петровна разлила чай. Поставила перед Алиной фарфоровую чашку с золотым ободком. Сахар не спросила, надо ли.

Молчала.

Алина подождала.

– Он любит новых жильцов, – сказала Надежда Петровна.
– Первое время.

– Дом?

– Он.

Она подняла чашку обеими руками, не пила.

– Тихий дом. Раньше здесь все знали друг друга. Сейчас нет. Люди едут, едут. Надолго не остаются.

– Почему?

Надежда Петровна посмотрела в окно. С пятого этажа полоска неба над двором была шире.

– Некомфортно, говорят. Не могут объяснить. Некомфортно, но едут.

Алина обхватила чашку ладонями. Чай был горячим, с чем-то она не смогла определить с чем.

– Надежда Петровна, в квартире есть комната в конце коридора без ручки снаружи.

– Знаю.

– Вы знаете, что это такое?

Старуха поставила чашку. Провела пальцем по краю блюда.

– Витя всегда любил тихих, – сказала она.

– Витя это кто?

Вопрос повис. Надежда Петровна смотрела в сторону окна.

– В доме важно не быть голодной, – сказала она. – Когда голодна, то всё кажется едой.

– Вы про комнату?

– Не ходи туда, когда голодна.

Алина открыла рот.

– Саша, – сказала Надежда Петровна, глядя в окно, – ты опять не выпила чай.

Алина закрыла рот.

Старуха не заметила. Лицо её было обращено к полоске неба над двором. Там шёл какой-то свой разговор, в котором Саша не допивала чай.

– Меня зовут Алина, – сказала Алина.

– Да, – сказала Надежда Петровна.

Алина выпила чай. Поставила чашку и встала.

– Спасибо, пойду.

– Иди.

В коридоре она остановилась.

– Надежда Петровна, вы сами туда заходили? В комнату?

Старуха сидела с прямой спиной.

– Они всегда думают, что смогут выйти сами, – сказала она. – Я тоже так думала.

Алина шагнула обратно переспросить, уточнить, но дверь закрылась.

Не хлопнула. Встала на место.

Алина стояла в коридоре и смотрела на дверь с номером 52.

За дверью было тихо.

Глава 4. Второй визит

Она вернулась на следующий день в десять утра.

Камеру на телефоне она включила ещё в коридоре. Если там что-то есть, будет зафиксировано. Если ничего нет тоже. Алина умела работать с материалом, который не нравился.

Дверь открылась так же легко, как в первый раз.

Она не вошла сразу. Встала в проёме, направила телефон внутрь и посмотрела на экран.

Комната, паркет, радиатор. Подоконник пустой, фотографию она забрала. Окно закрыто, двор за стеклом, серое утро.

У окна стояла фигура.

Алина не двигалась.

На экране отображается женщина со спины. Тёмные волосы, прямые, ниже лопаток. Осанка прямая, руки вдоль тела. Стоит и смотрит в окно.

Алина опустила телефон.

Пусто.

Паркет, радиатор, окно, серое утро. За радиатором не спрячешься, штор нет. Она пробежала взглядом дважды от угла к углу.

Пусто.

Подняла телефон.

Фигура повернула голову.

Медленно в профиль. Тёмные волосы упали вперёд, и

Алина увидела линию скулы, угол челюсти, тень под глазом.

Развернулась и пошла. Сначала быстро, потом ещё быстрее, шаги в пустом коридоре звучали слишком громко, слишком одиноко и только у входной двери поняла, что бежала.

Остановилась, прислонилась к стене.

Телефон она не выключила. Запись шла.

Дышала и считала вдохи. До десяти.

Посмотрела на телефон.

10:17.

Вошла в 10:14.

Три минуты.

Запись она смотрела на кухне, поставив телефон на стол, отступив на шаг.

Коридор, дверной проём. Её рука в нижнем углу кадра.

Комната на экране была пустой.

Паркет, радиатор, подоконник, окно. Серое утро за стеклом. Она перемотала на начало. Потом смотрела покадрово там, где по её времени фигура стояла у окна. Увеличила кадр на окне. Стекло, двор, силуэт дерева напротив.

Ничего.

Алина положила телефон экраном вниз.

За стеной у соседа напротив работал телевизор приглушённо, не разобрать слов, только ритм чужого голоса. Выше

хлопнула дверь. Голуби шумели на карнизе.

Она перевернула телефон. Открыла запись ещё раз.

Пустая комната.

Смотрела на неё дольше, чем требовал бы любой вывод.
Закрыла приложение. Убрала телефон в карман. Встала у кухонного окна, смотрела во двор.

На подоконнике лежала детская фотография.

Девочка смотрела в объектив.

Глава 5. Дима

Она столкнулась с ним у почтовых ящиков в среду утром.

Он уже закрывал свой, вытащил одну квитанцию, посмотрел на неё без выражения и убрал в карман куртки. Алина открывала свой. Ящик был пустой, она здесь ещё ни для кого не существовала.

– Недавно заехали? – спросил он.

– Да. Четыреста четвёртая.

– Дима. Живу напротив.

Лет тридцати пяти, не больше. Светлые глаза, несколько дней щетины. Куртка осенняя, хотя на улице уже холоднее.

– Алина.

Они поднялись вместе. Лифт на этот раз работал.

Разговор получился ни о чём, и это было странно своей ненастоящей лёгкостью.

– Давно в Москве?

– Со времён института.

– Район у нас тихий, хотя Садовое рядом.

– А кофейни тут есть?

– Одна на Малой Дмитровке. Второй этаж, без вывески.

Надо знать.

– Зайду.

Правильный темп, правильные паузы, правильное количество слов.

Не то, что он говорил. То, чего не делал.

За весь разговор от почтовых ящиков до четвёртого этажа он ни разу не посмотрел в сторону её двери. Не отвёл взгляд, не избежал, направление не существовало.

На площадке они разошлись. Он к своей двери, она к своей.

– Если что нужно по району стучи, – сказал он, уже вставляя ключ.

– Спасибо.

Она открыла свою дверь. Шагнула внутрь.

Оглянулась.

Дима стоял у её двери.

Не у своей, а возле её. Уже с той стороны площадки, в нескольких шагах от её порога. Стоял и смотрел на дверь, а не на Алину. Руки в карманах, плечи ровные, лицо без выражения.

Алина не успела ничего сказать.

Дверь закрылась быстрее, чем Алина успела что-то понять.

Она постояла в коридоре. Открыла снова.

Площадка была пустой. Его дверь закрыта. На площадке тишина.

Вечером она нашла домовую книгу, такие иногда оцифровывают местные архивы, нужный ресурс открылся с третьей попытки. Данные неполные, с пропусками.

Дима Сергеевич Ермолов. Квартира 401. Въезд в марте 2019 года.

Она переключилась на поиск. Нашла старый форум жильцов дома, такие создают в каждом дворе, потом забрасывают. Последнее сообщение датировалось две тысячи двадцать первым годом. Пролистала назад.

Фотографии появлялись редко, субботник, объявление о собрании, потерявшаяся кошка. На снимке субботника две тысячи девятнадцатого несколько человек с мётлами у парадной. Она нашла его сразу. Крайний справа, куртка другая, волосы чуть длиннее.

Лицо то же.

Снимок две тысячи шестнадцатого, дом отмечал какой-то юбилей, фотография цветная и чёткая. Другие люди, другая одежда.

Он был в правом углу. Стоял вполоборота, смотрел в сторону.

Лицо то же.

Алина положила телефон на стол.

Запах кофе тонкий, почти неуловимый из квартиру напротив. Она посмотрела на часы.

07:15.

За окном было темно.

Глава 6. Якоря

В пятницу утром Алина открыла новый документ и назвала его «маркеры».

Она стояла у окна с растворимым кофе, надо бы купить кофемолку, и думала, что происходящее требует структуры. Не потому что страшно. Потому что у непонятного должны быть точки отсчёта.

Она написала:

1. Запах кофе из квартиры напротив каждое утро в 07:15. Проверено, четыре дня подряд.

2. Трещина на потолке в коридоре. Форма буквы «Г» видна только от окна, если встать левой ногой на стык паркетных досок. В любом другом месте обычная трещина.

3. Холод в правой ладони. Детский шрам от ожога в семь лет, горячий чайник. Холод ощущается при температуре ниже восемнадцати градусов.

Она перечитала, сохранила, закрыла ноутбук.

В комнату она вошла в час дня при дневном свете с телефоном, без спешки.

Фигура сидела у окна на подоконнике спиной к двери лицом к стеклу. Та же осанка, те же волосы. Руки лежали на коленях.

Алина не опускала телефон.

Экран, комната, экран, комната. Вне экрана комната была пустой. В экране фигура сидела у окна и не двигалась.

Алина сделала шаг внутрь.

Фигура не повернулась.

Ещё шаг. Паркет потрескивал, в пустой комнате это звучало иначе, объёмнее. Она остановилась в четырёх шагах от подоконника.

На правой руке фигуры был шрам, на тыльной стороне запястья. Продольный, тонкий, старый. Кожа над ним чуть светлее. Это был не ожог.

Алина развернулась и вышла.

В коридоре она остановилась и посмотрела на свою правую руку.

Шрам был на месте поперёк ладони, у основания пальцев. Семь лет, лето, бабушкина кухня. Она помнила не боль, запах сладковатый и неправильный.

В форме небольшой дуги, выпуклой к большому пальцу. Она всегда знала это.

У фигуры шрам шёл прямо.

Прямой линией, чуть наискосок. Тонкий, бледный, старый.

Она сжала ладонь в кулак. Разжала. Посмотрела ещё раз. Шрам дугой.

Трещина на потолке складывалась в «Г», она проверила, встав левой ногой на стык досок. Всё верно.

Правая ладонь не чувствовала холода.

Она потёрла её о джинсы. Ничего.

Термометр на подоконнике оставил предыдущий жилец, показывал восемнадцать градусов. По её записи холод должен был ощущаться.

Ладонь была тёплой.

Алина открыла ноутбук, нашла третий пункт. После слов «горячий чайник» написала: *проверить форму*.

Потом посмотрела на первый пункт: кофе в 07:15.

Ничего не добавила.

Глава 7. Архив

Районный архив располагался в здании, которое когда-то было чем-то другим, об этом говорили слишком высокие для архива потолки и лепнина, которую покрасили белым, но не до конца. Алина нашла его со второй попытки: первый раз прошла мимо, потому что вывески не было, только табличка у домофона, буквы выгорели до нечитаемости.

Внутри пахло бумагой и старым линолеумом.

Женщина на входе сказала, что без предварительной записи не принимают. Алина сказала, что ей нужны документы по конкретному адресу, исторический фонд, тридцать шестой год постройки. Женщина посмотрела на неё, потом на журнал записи и снова на неё.

– Подождите в коридоре.

Алина ждала двадцать минут на деревянной скамье у окна. За окном узкий двор, мусорный контейнер и кусок неба ещё меньше, чем у неё дома.

Из боковой двери вышел мужчина.

Лет семидесяти, не меньше. Пиджак серый, застёгнут на все пуговицы. Очки на цепочке. Шёл медленно без трости, не торопливо.

– По Садовой-Каретной? – спросил он, не здороваясь.

– Да.

– Идёмте.

Он провёл её в комнату в конце коридора в рабочее помещение: стеллажи до потолка, папки, несколько столов. На одном стояла лампа с зелёным абажуром, включённая, хотя света из окна хватало.

Он достал папку без промедления.

– Садитесь.

Алина села. Он открыл папку, внутри копии, пожелтевшие, некоторые с трудночитаемыми печатями.

– Дом строили с тридцать четвёртого по тридцать шестой, – сказал он. – Архитектор Виктор Сагин. Один из последних проектов перед тем, как его не стало.

– Что с ним случилось?

– Исчез через две недели после сдачи объекта. – Он перевернул страницу. – В документах написано «добровольный уход». Тело не нашли.

Алина смотрела на копии. Рукописный текст, цифры, подписи.

– Он писал в рабочих записях, – продолжил архивариус, – что дом должен помнить тех, кто в нём жил буквально.

– Что это значит буквально?

Он посмотрел на неё поверх очков. Ничего не добавил.

Достал из папки ещё один лист план этажей, синька, выцветшая до голубого. Развернул на столе, придавил с двух сторон ладонями.

– Четвёртый этаж, – сказал он.

Алина наклонилась над планом.

Квартиры шли по периметру. Она нашла свой номер четырёхста четвёртая и проследила контуры. Три комнаты, кухня, ванная, коридор.

Коридор упирался в стену.

Никакой двери в конце. Никакой комнаты за ней. Стена и за ней пустота, по плану принадлежавшая лестничному пролёту.

– Здесь нет этой комнаты, – сказала Алина.

– Нет, – согласился архивариус.

– Но она есть.

Он снял очки, протёр краем пиджака, надел снова.

– Сагин сдал объект в срок, – сказал он. – По всем документам без нарушений. Приёмная комиссия подписала. – Он убрал план в папку. – Через две недели его не стало. Дом остался.

– Вы можете сделать мне копию плана?

– Уже сделал.

Он положил на стол сложенный лист. Алина взяла его, не разворачивая.

– Вы часто работаете с документами по этому дому?

– Редко. – Он взял папку под мышку. – Но всегда одни и те же вопросы. Вы первая, кто спросил про архитектора. Обычно спрашивают про комнату.

– А вы что отвечаете?

– Что её нет на плане. – Он уже шёл к двери. – До свидания.

На следующий день Алина позвонила в архив.

Трубку взяла та же женщина с входа.

– Я была у вас вчера, – сказала Алина. – Разговаривала с вашим сотрудником. Пожилой мужчина, серый пиджак, очки на цепочке. Хотела уточнить один вопрос.

Пауза.

– У нас нет такого сотрудника, – сказала женщина.

– Он провёл меня в рабочее помещение. Показал документы по адресу на Садовой-Каретной.

– Без предварительной записи мы не принимаем. В рабочие помещения посетителей не пускают.

– Я была там вчера.

– Хотите записаться на приём?

Алина посмотрела в окно.

– Нет, – сказала она.

Положила трубку. Развернула копию плана.

Четвёртый этаж. Квартира четыреста четвёртая. Коридор, упирающийся в стену.

В углу, где коридор заканчивался, чья-то рука шариковой ручкой написала одно слово. Она не заметила этого вчера.

Ждёт.

Глава 8. Голос

Четвёртый визит она не планировала.

Шла на кухню за водой около двух ночи, в коридоре горел ночник, и остановилась у двери в конце коридора. Ручка была в руке. Она вошла.

Комната была тёмной. Фонарь за окном давал достаточно света.

Фигура стояла у окна и смотрела на неё впервые.

Это было её лицо, но и не похожее. Та же линия скул, тот же угол челюсти, те же тёмные волосы, но чуть длиннее, без стрижки, которую Алина сделала три года назад. На пять лет старше, может на шесть. Морщины у внешнего угла правого глаза и в уголке рта.

Усталое лицо.

Алина знала эту усталость, видела её у людей, которые долго ждут и в какой-то момент перестают, но продолжают стоять. В переговорных комнатах, на похоронах, у больничных окон.

Она заставила себя сделать шаг. Потом ещё. Паркет под ногами, запах озона, она уже привыкла к нему, и это было нехорошо. Остановилась в трёх шагах.

При таком расстоянии она видела, что Та дышит.

Грудная клетка поднималась и опускалась медленно, ровно.

– Ты оборачиваешься, – сказала Алина.

Та смотрела на неё.

– Ты ещё можешь уйти, – сказала Та.

Голос был её и в тоже время не похожий.

– Но ты не уйдёшь.

Не угроза. Алина ждала угрозы или предупреждения, или чего-то, что можно было оспорить, опровергнуть, использовать как точку опоры. Голос был ровным. Голос человека, который констатирует погоду за окном.

– Откуда ты знаешь?

Та смотрела на неё. В её глазах не было торжества, была усталость человека, который стоял там, где сейчас стоит Алина, и задавал тот же вопрос, и знает, что будет дальше не потому что видел будущее, а потому что помнит прошлое.

– Ты сама знаешь, – сказала Та.

Алина открыла рот.

Та отвернулась обратно к окну, к фонарю, к двору за стеклом. Профиль. Тень под глазом. Морщина у угла рта глубже, чем казалась издали.

Надо уходить. Прямо сейчас повернуться, выйти, закрыть дверь, не открывать больше. Она это сделает.

Она стояла, пока озон не почувствовался на языке сухой, металлический. Тогда вышла.

В коридоре горел ночник. Трещина на потолке складыва-

лась в «Г».

Алина потёрла правую ладонь о футболку, шрам прямой, она уже не спорила с этим.

Ладонь была холодной.

Она вернулась в спальню. Легла, смотрела в потолок.

Ты ещё можешь уйти. Но ты не уйдёшь.

Она перебирала фразу. Угроза? Нет. Предупреждение? Нет. Та говорила это как человек, который сам слышал её и не послушал, и теперь знает, что она правда.

За окном начинало светлеть.

В 07:15 из квартиры напротив потянуло кофе.

Глава 9. Рита приезжает

Рита позвонила в дверь в субботу в полдень, была с сумкой через плечо, бутылкой вина в одной руке и пакетом с едой в другой. Алина открыла, и Рита вошла.

– Я купила сыр, – сказала она уже на кухне, выкладывая пакет. – Тот, который ты любишь. Ты вообще сейчас ешь?

– Ем.

– Ешь что?

Алина открыла рот.

– Растворимый кофе не еда, – сказала Рита, не оборачиваясь.

Она осмотрела кухню быстро, без комментариев. Чистая кружка. Ноутбук на столе, план этажей под ним, край торчит. На подоконнике фотография лицом вниз.

Рита не спросила про фотографию.

– Садись, – сказала она. – Я сделаю нормальную еду.

Рита говорила, Алина слушала и иногда отвечала.

– Антон нашёл квартиру, – сказала Рита. – Мы съезжаем.

Алина подняла глаза.

– В феврале. – Рита разлила вино, поставила бокал перед Алиной. – Знаю, что ты хочешь сказать.

– Ты не знаешь.

– Ты хочешь спросить, уверена ли я. – Она взяла свой бокал. – Уверена.

В том, как она это сказала, не было ни победы, ни превосходства, а была та лёгкость, с которой Рита делала всё. Не прыгала, не взвешивала до паралича, просто шла, и когда приходило время, делала шаг. У Алины на столе лежал документ с маркерами нормальности. У Риты билет в февраль.

– Рада за вас, – сказала Алина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.